

Н. П. Шмелев¹**ЧТО НУЖНО СЕГОДНЯ РОССИИ ОТ ЗАПАДА**

Когда мы говорим «сегодня», то не имеем в виду именно и только настоящий момент. Естественно, подразумеваем и то, что принято называть «на всю видимую перспективу».

Первое и главное, в чем нуждается любое жизнеспособное государство, — это, безусловно, безопасность, прежде всего безопасность от внешних угроз. Исторический опыт России в ее взаимоотношениях с Западом был в этом смысле не просто неоднозначным, а поистине трагическим. За 400 последних лет — польско-шведская интервенция в XVII веке, наполеоновское нашествие, Крымская война середины XIX века, Первая мировая война и, наконец, Великая Отечественная война, по своей жестокости и разрушениям превзошедшая все когда-либо случавшееся в мире. А если прибавить к этому и холодную войну второй половины XX века, вина за которую лежит по крайней мере на обеих сторонах поровну, то можно лишь удивляться тому, как Россия вообще сумела выжить под таким чудовищным внешним давлением.

Понятно, что определенное, «генетическое», так сказать, недоверие присуще российскому человеку при любых поворотах внешнеполитической ситуации. Так что не следует удивляться тому, что стремление сохранить возможность «ответного» или «ответно-встречного» удара будет присуще нашему государству

¹ Директор Института Европы РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ», «Европа вчера, сегодня, завтра», «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований», «Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье–Черноморье–Каспий», «Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)», «Россия в многообразии цивилизаций» и др. Автор романов: «Сильвестр», «В пути я занемог»; сборников рассказов и повестей: «Последний этаж», «Спектакль в честь господина первого министра», «Пушкинская площадь», «Ночные голоса» и др. Многие произведения переведены на иностранные языки. Член Экономического совета при Правительстве РФ. Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России.

всегда, несмотря ни на какие (а тем более чисто словесные) уверения в том, что выстраиваемая на Западе система противоракетной обороны не направлена против России. Возможность сохранения хотя бы выборочного (не обязательно тотального) ответного удара является для России «категорическим императивом». И если в последнее время появляются какие-то признаки зарождения новой холодной войны, то в этом вина не России, которая на деле отказывается от гонки за «паритетом», но отнюдь не отказывается от гарантий своего существования, пусть даже в ослабленном состоянии.

Однако проблема внешней безопасности в современных условиях отнюдь не ограничивается для России (как и для многих других государств) эвентуальной возможностью «апокалиптического» сценария. Список больших и малых внешних угроз для страны практически неисчерпаем. Ближний Восток и арабизраильский конфликт, длящийся уже более 60 лет; никем не предвиденное «арабское цунами» с неясной пока направленностью; возможное дальнейшее обострение предельно накаленной обстановки в регионе Иран–Афганистан–Пакистан–постсоветские республики Средней Азии... А еще расползание ядерного оружия по миру; нарастание международного терроризма и исламского экстремизма; тлеющие локальные конфликты (особенно на Кавказе), чреватые очередными авантюрами типа войны августа 2008 года; глобальный наркотрафик и трансграничная преступность и прочее — все это, как показывает опыт, поддается международному договорному регулированию, так или иначе устраивающему всех, хотя, как правило, и неокончательно. И все это — естественное поле для сотрудничества Запада и России.

Конечно, сегодня еще рано говорить о возможности создания некоего «мирового правительства» с соответствующими полномочиями. Но принципиальное

повышение согласованности действий Запада, России и, естественно, других непосредственно заинтересованных стран могло бы обеспечить сохранение мировой цивилизации во всем ее многообразии даже в условиях, когда мир может вот-вот пойти, что называется, «вразнос».

Будет справедливо сказать, что сегодня роль России в этих международных сдвигах и потрясениях является преимущественно оборонительной, а не наступательной. По крайней мере, ни в политике, ни в общественном мнении России не звучала и не звучит нередко высказываемая на Западе (пусть неофициально) мысль о необходимости раздела или раздробления под тем или иным предлогом чужих территорий, в том числе и таких, как Сибирь и Дальний Восток.

Все советские годы Россия жила в глухой международной изоляции, хотя и тогда взаимные культурные, научные, технические, спортивные и другие связи сохраняли определенное значение, свидетельствуя о некоем глубоко укоренившемся цивилизационном единстве противостоящих во многих иных отношениях сторон. Искусственно возведенные стены наконец пали; демократия, многопартийность, верховенство закона, общечеловеческие ценности и свободы, включая и свободу передвижения по всему миру, стали доступны и для российского человека. Какие масштабы и формы сблизят Запад и России маячат впереди — нет смысла сегодня всерьез гадать: процесс этот не может измеряться годами, он неизбежно займет десятилетия. Но каждый заметный шаг на этом пути имел и будет иметь принципиальное значение — будь то фактическая отмена смертной казни в нашей стране, или демократические преобразования в ее политической системе, включая построение фундамента всякой действенной демократии — местного самоуправления (в Европе этот процесс начался в XI–XII веках), или согласованное, наконец, присоединение России к ВТО, или давно назревшая, но все еще остающаяся под вопросом отмена ограничений, накладываемых Шенгенским режимом, и т. д.

Наиболее ярким достижением новой России в развитии ее отношений с Западом было, возможно, заключение в 1997 году соглашения с Евросоюзом о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, которое имеет хорошие шансы быть продленным, несмотря на противодействие отдельных, преимущественно «молодых» членов ЕС. Намеченные в его рамках четыре «дорожные карты» — по внешней безопасности, по внутренней безопасности, по экономическому взаимодействию и по культурному сотрудничеству — важны не только и даже не столько с точки зрения сегодняшнего дня, сколько как историческая перспектива, особенно для России. Если эти цели будут когда-нибудь достигнуты, единая Европа приобретет принципиально новый облик с точки зрения и политики, и военной ситуации, и общественного устройства, и человеческого менталитета, и общего экономического пространства (то есть свободы трансграничного передвижения товара, капитала, рабочей силы и услуг), и единого научно-технического, образовательного и культурного потенциала. Думается, эти «карты» могут стать важнейшим

цивилизационным ориентиром для нынешнего и будущих поколений. И Европа со временем может стать единым мощным мировым центром силы, мало в чем уступающим другим современным мировым центрам силы — США и Китаю.

Большое значение для современной России, вступившей в эпоху (именно эпоху) очередной модернизации, имеют благоприятные внешние условия — для осуществления преобразований, прежде всего в экономической и социальной сфере. Содействуют они или препятствуют поставленным целям? Ответ может быть неоднозначным: они могут содействовать, могут быть нейтральными, но могут и препятствовать. Например, серьезнейший вопрос: кто кого финансирует в нынешних условиях? Запад России, как думают многие, или, напротив, Россия Запад? При всей внешней парадоксальности ответа он вполне очевиден: Россия финансирует Запад. В последние 20 лет соотношение было примерно 1:3 в пользу Запада, то есть на 1 доллар притока средств в российскую экономику с Запада из России в его экономику уходило 3, а скорее даже 4 доллара легального и нелегального оттока. Все виды увода капитала из страны оцениваются сегодня в накопленной сумме не менее 1 трлн долл.

В частности, в последние годы объем вложения только государственных валютных резервов РФ в иностранные (преимущественно американские) государственные ценные бумаги с предельно низкой доходностью в 1,0–2,0 % годовых превысил огромную сумму порядка 550 млрд долларов. Особенно печально то, что подобный хронический дренаж (кровопускание) российской экономики происходит на фоне колоссальных неудовлетворенных потребностей страны в инвестициях практически во всех областях, включая производство, инфраструктуру, социальную сферу. Утечка капитала за рубеж лишает страну не менее 1/4 ее фонда накоплений.

Конечно, накопление, капиталообразование — это прежде всего внутренняя проблема страны. У России сегодня имеется немало потенциальных возможностей увеличения ее нормы накопления (с нынешней недопустимо низкой около 20 % до необходимых 30–35 % ВВП) и более рационального использования уже имеющихся средств, которые она пока направляет на весьма сомнительные цели. Почему российские инвесторы при очевидной слабости отечественной кредитной системы не могут занимать из российских государственных резервов не под 8–10 % годовых, как они вынуждены сегодня брать в иностранных частных банках, а под 1,5–2,0 %, то есть за столько же, за сколько Россия на деле дает займы своим зарубежным партнерам? Тем более что последний кризис показал: российское государство все равно было вынуждено массивным и по существу безвозвратным вбросом государственных средств спасать своих основных отечественных заемщиков за рубежом. А задолженность российских компаний и банков иностранным частным банкам почти равна нашим государственным резервам, хранимым «по дешевке» в иностранных ценных бумагах.

Нельзя не видеть и таких собственных возможностей увеличения инвестиционных ресурсов страны,

как изменение неоправданного, не наблюдающегося больше нигде в мире соотношения (в пользу частных компаний) в распределении природной ренты на энергетические и другие сырьевые ресурсы; налаживание действенного контроля за перемещением валютных средств за рубеж; восстановление обязательной продажи валютной выручки за рубли; более широкое использование эмиссионных и кредитных возможностей Центробанка (в роли кредитора в последней инстанции); налоговые и амортизационные льготы инвесторам, особенно осуществляющим модернизацию производства; отказ от «плоской шкалы» налогообложения доходов; действенная система административного, бюджетного, налогового и кредитного стимулирования малого и среднего предпринимательства и пр.

Но все эти меры не уменьшают значения для России импорта иностранного капитала, особенно прямых иностранных инвестиций. Пока их доля относительно невелика: около 3 % всего капиталобразования в стране. Иностраный капитал вкладывается преимущественно либо в финансовые спекуляции («горячие», краткосрочные деньги), либо в сверхприбыльные отрасли («длинные» деньги), что далеко не всегда оказывает значимый модернизационный эффект. В частности, в косметическую, пивоваренную, фармацевтическую, табачную промышленность, производство безалкогольных напитков, коммуникации, автосборку и др. Особенно активно иностранные инвестиции идут в топливно-энергетический комплекс — до 1/3 объема. В то же время, что показательно, в машиностроение — лишь 1 %.

Привлечение иностранного капитала, его взаимопереплетение с отечественным, экспансия ТНК (а таких компаний даже российского происхождения уже около 20) — это в целом благотворный процесс, содействующий экономическому подъему и росту благосостояния всех его участников. Важно только соблюдать и сохранять баланс интересов сторон. И если на каком-то отрезке времени партнеры считают необходимыми определенные ограничения в отношении привлекаемых из-за рубежа капиталов (например в отраслях, имеющих оборонное значение в России, или по каким-то иным, по сути тоже политическим соображениям, как на Западе) это надо спокойно принимать как данность. Но такую данность, которая со временем может быть урегулирована в обоюдных интересах путем взаимных уступок и компромиссов.

По мере роста открытости российская экономика становится все более органично связанной с мировой валютно-финансовой системой и во все большей мере зависимой от ее устойчивости. В частности, если, допустим, доллар и дальше будет ослабевать или даже вообще утрачивать свои до сих пор доминирующие позиции, то в интересах России, чтобы этот процесс растянулся на многие годы, а может, и десятилетия. Слишком велики долларовые активы у множества стран, в том числе таких как Китай, Япония, Россия, и пока около 2/3 мировой торговли все еще обслуживается в долларах. В таких условиях крах доллара будет жесточайшим ударом по всей мировой экономике. Может быть, меньшим, но тоже жестоким ударом ми-

рового значения станет крах евро и неизбежно следующий за ним распад еврозоны (как-никак, Россия сегодня держит в евро около 1/2 своих валютных резервов). А новая мировая валютно-финансовая система на базе, скажем, искусственной валюты МВФ, или китайского юаня, или какой-то новой «корзины» валют — это когда-то еще будет, а может, и не будет никогда.

Модернизация для России сегодня — это в первую очередь реиндустриализация, или своего рода «вторая индустриализация». Азарт непродуманных, поспешных реформ стоил стране полного разрушения (уничтожения) не менее половины ее промышленного и технологического потенциала. При существующих тенденциях, то есть при ускоряющемся устаревании основных фондов, возрастающем дефиците инвестиций и в целом неясной промышленной политике руководства через 7–10 лет может быть окончательно разрушена и оставшаяся половина. К этому необходимо добавить вывод из оборота более 1/3 сельскохозяйственных земель России. И еще, по оценкам некоторых экспертов, утрату порядка 1/3 «мозгов» страны в результате разрушения ее науки (и фундаментальной, и особенно прикладной), эмиграции ученых, переходе их значительной части в другие, преимущественно коммерческие сферы деятельности.

Реиндустриализация требует концентрации усилий на ряде основных направлений долгосрочной экономической политики. Во-первых, это выбор основных стратегических приоритетов промышленного обновления (включая всю инфраструктуру). На рынках высокотехнологичной промышленной, информационной, аграрной и прочей продукции сегодня в мире не только существует, но непрерывно растет и обостряется жесткая международная конкуренция. Найти рыночные ниши на будущее — дело весьма нелегкое. В этом России могли бы быть полезны согласование и координация ее усилий с ведущими мировыми производителями подобной продукции. Можно было бы также ожидать от наших партнеров (в частности от Евросоюза) собственного, достаточно конкретного проекта поддержки и развития в России предприятий и даже отраслей, которые позволили бы ей вырваться из энерго-сырьевой зависимости и возродить обрабатывающую промышленность. О том, что подобный подход уже не кажется, например, Европе экзотикой, свидетельствует относительно недавнее подписание ЕС и Россией документа «Партнерство для модернизации».

Во-вторых, обновление еще сохранившихся производственных мощностей, а тем более строительство новых потребует (как это бывало в прошлом) массивного притока в страну техники и передовых технологий из-за рубежа. Все это в Европе, США, Японии (а теперь и в Китае) есть. И после вступления России в ВТО, достижения соответствующих двусторонних и многосторонних договоренностей, отмены уже отживших свой век ограничений российские потребности могут и должны стать одним из важнейших факторов поддержания устойчивого машиностроительного, электротехнического и другого экспорта из высокоразвитых индустриальных стран. При этом стабильные рынки для российской энергосырьевой продукции на

Западе сохранятся, вероятно, даже при нынешних сдвигах в пользу различного рода энергетических и прочих альтернатив. Не следует забывать и про международные кредитные возможности.

В-третьих, перед Россией стоит сегодня, может быть, наиболее острая и сложная задача: демонополизация ее экономики и создание автоматического механизма (конечно, в определенном взаимодействии с административными рычагами) стимулирования инновационного процесса. При нынешнем заоблачном уровне прибыльности естественных и искусственных отечественных монополий у них в реальности нет или почти нет серьезных стимулов к модернизации старых, а тем более строительству новых, технологически продвинутых производственных мощностей. Конечно, это прежде всего внутренняя политическая, экономическая и институциональная проблема России, более того — вопрос решимости или нерешимости наших властей. Но сотрудничество и конкуренция с Западом как по импорту, так и по экспорту, а также поддержка и с той, и с другой стороны притока прямого иностранного капитала (особенно в малый и средний бизнес) могли бы дать заметный дополнительный толчок переходу российской экономики к подлинному рынку и новым структурным пропорциям в ее производственном потенциале.

В-четвертых, Запад может сыграть весьма важную роль в возрождении науки и образования в России. Никакой модернизации страны и ее перехода к «экономике знаний» не состоится, если финансирование науки и образования из государственного бюджета не будет по доле в его расходах увеличено, по крайней мере, в 2–3 раза. Частный капитал — особая статья: надежды на его участие в решении общенациональных задач такого масштаба можно возлагать не раньше, чем через несколько десятилетий. Активный же академический — как исследовательский, так и образовательный — обмен между Западом и Россией может, как показывает некоторый накопленный опыт, развиваться не только на «благотворительных» принципах, но и на вполне коммерческих, взаимовыгодных основах. Особенно это важно для Европы в целом, которая пока продолжает отставать от США во многих ведущих областях очередной научно-технологической революции, но имеет все шансы объединенными усилиями достичь их уровня в предстоящие десятилетия.

Исключительно важной проблемой в отношениях России с Западом являются также интеграционные тенденции на европейском (точнее, евразийском) континенте. Западноевропейская интеграция (Евросоюз) уже не только доказала свою высокую жизнеспособность и органичный характер, но и, как представляется, к настоящему времени стала постепенно избавляться от заблуждений и чрезмерных амбиций «молодости». В реальности и сегодня, и на достаточно неблизкую перспективу ставится вопрос не о дальнейшем расширении Евросоюза (все на свете имеет свои пределы), а в первую очередь о необходимости избежать его развала под влиянием чисто экономических, особенно финансовых причин. В этих условиях никто в ЕС, конечно, всерьез не думает о присоединении к Евросоюзу

таких возможных новых его членов, как, скажем, Турция, Украина или тем более Россия. Но подобные трезвые соображения не мешают определенным влиятельным кругам в ЕС ревниво и даже враждебно относиться к интеграционным тенденциям на постсоветском пространстве — не в последнюю очередь, думается, потому, что схожую позицию занимают и сменяющие друг друга администрации США.

Простая и не раз высказываемая и в России, и на Западе мысль, что интеграция на постсоветском Евразийском экономическом пространстве и интеграция в уже сложившихся рамках Евросоюза объективно не только не противоречат и не противостоят друг другу, но могут (и должны) иметь общую конечную, хотя, безусловно, и не близкую цель, получила и получает сегодня достаточно широкое распространение. В самом деле, как можно по тем или иным произвольным причинам сбрасывать со счетов в отношении постсоветского пространства многовековые взаимные связи — цивилизационные, народнохозяйственные, культурные, да и просто человеческие, вошедшие в плоть и кровь стран и народов? Тем более таких стран, которые и теперь представляют собой по существу единый общий рынок, требующий только устранения отдельных барьеров и препятствий, мешающих его развитию? Это и делается уже, в частности, в пределах тройственного Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, нацеленного на создание в ближайшие годы Единого экономического пространства с последующим возможным присоединением к нему и ряда других постсоветских государств. Какие разумные, рациональные соображения могут быть выдвинуты против восстановления фактически разрушенной за два последних десятилетия единой инфраструктуры этих стран — энергообеспечивающей, транспортной, образовательной, не говоря уже о сложившихся за долгие годы кооперационных связях между предприятиями, а также по существу единому рынку рабочей силы? Очевидно, что создание Единого евразийского экономического пространства — это отнюдь не реанимация Российской империи, а столь же естественный и органичный процесс, как и то, что происходило и происходит в пределах Евросоюза.

Здравый смысл говорит, что без совместного международного планирования и объединения материально-технических, финансовых и кадровых ресурсов различных стран невозможно, например, без конфликтов обеспечить энергопотребности Европы. Конкуренция в этой области не только не разрушительна, а наоборот, благотворна. На этом обширнейшем рынке на всю видимую перспективу места хватит всем: и традиционным поставщикам нефти и газа, и производителям альтернативных источников энергии, включая сланцевый и сжиженный газ, — и России, и Казахстану, и Узбекистану, и Туркмении, и Азербайджану, и Ирану, и арабскому Ближнему Востоку, и Северной Африке, и Норвегии, и даже второстепенным производителям ряда других, преимущественно небольших стран. Надежность транспортировки и транзита энергоресурсов также невозможно обеспечить без согласованных действий всех заинтересованных стран-партнеров.

И, естественно, при решении этих задач интересы обеих интеграций должны не противопоставляться, а дополнять друг друга.

А какая отдельно взятая национальная или даже региональная сила (хоть на Западе, хоть на Востоке Европы, хоть Китай, хоть США) может решить такие проблемы, как, скажем, опасное для всего мира стремительное нарастание наркотрафика через Центральную Азию и/или исламского радикализма и терроризма? Или невероятную по своим масштабам задачу спасения Аральского моря, Амударьи и Сырдарьи? Или создание международного транспортного коридора (системы коридоров) Запад–Восток? Или, наконец, освоение все еще не освоенных громадных территорий в Центральной Азии, Китае, Монголии, Сибири и на российском Дальнем Востоке?

Все это говорит о том, что создание в перспективе десятилетий общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока (а то и от Ванкувера до Владивостока) отнюдь не химера, а вполне реальная цель, если, конечно, исключить возможность какой-то глобальной катастрофы. Но достижение этой цели требует не конфликта, не противостояния двух интеграций, развивающихся ныне на евразийском континенте, и уж конечно не отживающих свой век примитивных попыток подрыва изнутри новых, только нарождающихся конструктивных тенденций, а глубокого понимания сложившихся и вероятных в будущем реальностей. И не следует ни в коем случае закрывать глаза на то, что в мире остается все меньше безальтернативности и все больше появляется различных альтернатив —

как континентальных, так и региональных, как на Западе, так и на Востоке.

По своей истории, культуре, мировоззрению, да и вообще по своему способу жить Россия была, есть и будет Европой. Конечно, со своим уникальным, нередко трагическим прошлым и со своими ошибками, но и с теми же идеалами и надеждами, что и другие европейские страны и народы. Будучи по своему духу европейской державой, Россия остается в то же время самостоятельной и в определенном смысле самодостаточной цивилизацией — у нее все (буквально все) есть, чтобы при разумной стратегии не только сохранить, но и укрепить свое особое место в мире.

Нельзя, конечно, не видеть, что в последние десятилетия в развитии России все большую роль начинает играть, так сказать, «восточный вектор», «восточноазиатский акцент» — и в политике, и в экономике, и в демографии, и в других областях. Учитывая географию страны, это не только и не столько альтернатива, сколько историческая неизбежность, с которой, хочешь не хочешь, приходится считаться всем. И дело даже не в том, какой режим утвердится в будущем в стране — классическая демократия, или «демократический цезаризм», или даже какая-то форма авторитаризма. Дело в том, что некий цивилизационный «симбиоз» в жизни России (между европейским и восточноазиатским влиянием), учитывая ее прошлое, настоящее и предвидимое будущее, есть, по-видимому, и наиболее вероятная перспектива. И это не только вопрос веры или неверия человеческого. Это вопрос очевидной, объективной — всемирной, а, может быть, и надмирной — неизбежности.